

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 32.

14 АВГУСТА 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базупова. Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всеми приложениями.

Изъ № 32-му прилагается пьеса для фортепьяно: *Fantaisie de l'opéra „Orphéaux enfers“* op. 166. соч. П. Розеллена.

Содержаніе: Письмо изъ Пятигорска. — Вѣсти отъсюду. — Глюкъ и Пиччини и ихъ приверженцы (окончаніе). — Объясненіе.

ПИСЬМО ИЗЪ ПЯТИГОРСКА.

Съ Ставропольскою труппою хорошо познакомился я спектаклями, даваемыми ею въ Пятигорскѣ во время курса леченія. Театръ въ Пятигорскѣ снаружи довольно почтенное, каменное, но не красивое зданіе, съ окнами, забитыми досками. Впрочемъ иного назначенія, какъ быть храмомъ Пятигорскихъ музъ, зданіе это, кажется, не имѣло, потому что стоитъ на небольшой площади. Внутренняя отдѣлка проста даже до неудобства: потолокъ сплоченъ на живую нитку, такъ что, благодаря большимъ щелямъ между досками, шумъ дождя, падающаго на желѣзную крышу, мѣшаетъ зрителямъ слушать актеровъ (скрипъ колесъ арбы, медленно проѣзжающей во время спектакля, мимо театра, также не рѣдко совсѣмъ заглушаетъ слова играющихъ); стѣны и логи (въ 3 яруса) выкрашены грязно-дикою краской; вмѣсто креселъ стоятъ деревянные, ничѣмъ не обитые диваны; два директорскія мѣста и нѣсколько ложъ, обитыхъ ярко-краснымъ сукномъ, входная дверь, запертая красною-же гардиною, и наконецъ единственный канельдіннеръ, отбирающій билеты, въ синемъ фракѣ съ красными отворотами — все это, претендуя неумѣстно на роскошь, еще болѣе выказываетъ скудность всей обстановки. Къ этому надобно прибавить, что оркестръ временно собранъ изъ солдатъ и управляется скрипачомъ, который играетъ на своемъ инструментѣ лѣвой рукою (это вовсе не выдумка); отъ оркестра этого приходилось жут-

ко и зрителямъ, и, конечно гораздо больше, актерамъ, которые, подъ его аккомпаниментъ, иѣли водевильные куплеты и исполняли цѣлыя оперетки. Не смотря однако на все это, спектакли, даваемые въ этомъ театрѣ Ставропольскими актерами, постоянно посѣщались публикою, потому что небольшая труппа составлена хорошо, репертуаръ наполненъ не одними только мелкими пьесками и смотрѣть вообще было что. Скажу больше: на сценѣ Пятигорскаго театра я увидалъ то, чего не видалъ, да, вѣроятно, и не увижу на столичныхъ сценахъ, — комедію Островскаго «*Свои люди — сочтемся*». Видѣть въ сценическомъ исполненіи, это замѣчательное произведеніе драматической литературы нашей, было постояннымъ, горячимъ желаніемъ моимъ, на осуществленіе котораго я, впрочемъ, пересталъ уже и надѣяться: вдругъ, случай дѣлаетъ мнѣ такой прекрасный, неожиданный сюрпризъ — и гдѣ же? На Кавказѣ. — Глазамъ не вѣрилъ я, читая на афишѣ крупно напечатанное названіе комедіи, которую мы, столичные жители, давнымъ-давно уже не видѣли на афишѣ, и, просмотрѣвъ ее въ довольно недурномъ исполненіи, готовъ аллюдовировать Пятигорскому театру.

Слава и честь Кавказу! Полная признательность артистамъ, которые, поставили на сцену лучшее украшеніе ея: «*Свои люди — сочтемся*». Теперь поговорю о персонажахъ труппы. Первое, видное мѣсто между ними занимаетъ даровитое семейство Марксъ. Амплуа г-на Марксъ необыкновенно обширно и разнообразно; талантъ его почти одинаково достаетъ какъ на сильно-драматическія роли, такъ и на пустыя водевильныя. Всѣ онѣ, ясно и отчетливо усвоенныя артистомъ, не менѣе же ясно и отчетливо воспроизводятся имъ. Строго и серьезно относясь къ искусству своему, г. Марксъ не терпитъ ничего, недостойнаго истиннаго художника; а потому досадовалъ, но не дивился я, когда почтеннѣйшая пятигорская публика холодно принимала его въ роляхъ, за которыя онъ заслуживалъ всякаго одобренія и благодарности. Дѣло, извольте видѣть, стало за тѣмъ, что въ исполненіи этого умнаго арти-

ста не оказывалось ни малѣйшаго эффектнаго, фарсества и ничего рутиннаго; а на все это, какъ видится, сильно падка въ числѣ другихъ публикъ и пятигорская. Изъ многихъ ролей, въ которыхъ видѣлъ я г. Марксъ, не знаешь, какую назвать лучше; сопоставляя, напр., роли: учителя Иванова «Въ Чужомъ пиру похмѣлье» и башмачника Роде «Ножка», рѣшительно недоумѣваешь, какая изъ нихъ въ его исполненіи вышла удачнѣе. Въ своемъ родѣ, удалась вполне и та, и другая. Только роль Гордѣя Карновича Торцова была исполнена имъ далеко не совсѣмъ; онъ не сладилъ съ типомъ разбогатѣвшаго самодура-кунца и сдѣлалъ изъ Гордѣя Торцова самодура-банкира, что, конечно, далеко не одно и тоже, и отчего вся пьеса много потеряла. Причины этому нужно искать въ незнакомствѣ г. Марксъ съ нашимъ *рассейскимъ* кунечествомъ, которое вѣроятно также мало извѣстно и ставропольской публикѣ, потому что, какъ слышалъ я, пьесы Островскаго ей не нравятся. Вотъ и споръ тутъ о вкусахъ! — Жена его, Марксъ 1-я, также артистка замѣчательная, заслуживающая всякаго вниманія. Ея настоящее мѣсто въ роляхъ комическихъ старухъ благороднаго и неблагороднаго разбора и старыхъ дѣвственницъ. Исполненіе ея отличается характерностью, полнотою и прямодушною веселостію; т. е. почти всѣмъ тѣмъ, что возводитъ роль въ живую личность. Я сказалъ *почти*, потому что, г-жѣ Марксъ, на мой взглядъ, при всемъ ея талантѣ, не достасть умѣнья скрываться за ролью и, заставляя зрителей забывать себя, какъ исполнительницу, пріятно обманывать ихъ. Если нужно указать на лучшую изъ видѣнныхъ мною ролей этой артистки, то остановлюсь, пожалуй, на роли Устиньи Наумовны въ комедіи «Свои люди сочтемся», да на одной малороссійской, именно Солохи въ пьесѣ «Вечеръ на хуторѣ близъ Диканьки», дурной передѣлкѣ рассказовъ Гоголя. Дочь ихъ, г-жа Марксъ 2-я, очень молоденькая дѣвушка и уже очень хорошая актриса. Получивъ много отъ природы, она сумѣла хорошо воспользоваться полученнымъ и сдѣлалась полною мастерицею своего дѣла. Не знаю, гдѣ воспитывалась она: была ли она пансіонеркой театральнаго училища, или прошла хорошую школу сценическаго искусства подъ руководствомъ опытныхъ родителей своихъ; во всякомъ случаѣ, въ игрѣ ея такъ много знанія сцены и привычки къ ней, взглядъ ея на искусство такъ строгъ и вѣренъ, вкусъ такъ умно-разборчивъ, — что объясняется однимъ только прирожденными способностями все это не можетъ. Еще нечего бы было особенно удивляться тому, что молоденькая артистка мила, откровенно-проста, граціозна-наивна: все это принадлежить не столько артисткѣ, сколько дѣвушкѣ (хотя очень и очень часто у многихъ молоденькихъ актрисъ не обрѣтается даже и того); но рѣшительно нельзя не удивиться тому, какъ какимъ умомъ, знаніемъ жизни и такъ-то умѣетъ г-жа Марксъ 2-я вложить въ каждую роль *душу* *жизни* и вложить такъ, что не останется никакой возможности отдѣлать исполнительницу отъ роли. Вместо того, чтобы указывать лучшимъ роли ея, я напротивъ назову самую блѣдную, именно роль Луизы, въ водевилѣ «Узкіе башмаки». Сколько правды и полноты придала она этой небольшой и довольно безцвѣтной роли! Сцену, въ теченіе которой ноги ея сильно жмутся узкими башмаками, исполнила она превосходно: боль, досада и упрямство такъ ясно выражались на ея лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ, что словъ можно было рѣшительно не слушать; и все это такъ мило, изящно, безъ малѣйшей утрировки! Говорю смѣло, что г-жа Марксъ 2-я поправилась бы самой замѣчательной публикѣ и заняла бы видное мѣсто на любой столичной сценѣ;

а на сценѣ провинціального театра это большая рѣдкость. Г-жа Яковлева также довольно хороша въ роляхъ субретокъ и горничныхъ. Обѣ молодыя артистки эти прекрасно поютъ куплеты. Г. Яковлевъ, режиссеръ труппы, актеръ старой классической школы, ученикъ Брянскаго, сильно заразившійся всѣми традиціями школы, которая всосалась въ плоть и кровь его. Это былъ бы типъ провинціального актера-трагика, если бы въ его репертуарѣ не насчитывалось нѣсколько ролей, удачнымъ исполненіемъ которыхъ онъ какъ бы измѣняетъ самъ себя. Между ролями этими особенно заслуживаютъ упоминанія роли Боярышниковъ и Большова. Въ другихъ же роляхъ онъ не можетъ осилить себя и, напр., въ роли Кречинскаго явился во всемъ блескѣ классическаго величія: съ тягучею дикціею, геройскою выступкою, академическими позами и сильнымъ крикомъ. Впрочемъ, актеръ онъ умный; работаетъ надъ ролями и надъ собою много; желаетъ, какъ видно, отстать отъ своихъ классическихъ замашекъ; борется и иногда съ дочерью выходитъ изъ борьбы, какъ въ двухъ названныхъ роляхъ. Наконецъ нельзя промолчать о молодомъ артистѣ-комикѣ г. Карачевцевѣ. Состоятельный уже и теперь, онъ еще больше обѣщаетъ въ будущемъ. Прежде всего отличается онъ строгостію въ выборѣ ролей, изъ которыхъ, съ особенною охотою, беретъ онъ за серьезныя и характерныя; а если на душѣ его есть нѣсколько грубиковъ въ видѣ пустыхъ, безцвѣтныхъ ролей, то играетъ ихъ онъ уже по необходимости. При большомъ талантѣ и знаніи дѣла, ему замѣтно не достасть задушевной веселости; комизмъ его поэтому нѣсколько сухъ и холоденъ. Кромѣ того онъ легко и, кажется, незамѣтно для себя самаго, подчиняется постороннему вліянію и вдается въ подражаніе; такъ во многихъ роляхъ сильно копируетъ онъ г. Мартынова. Между многими другими, удалась ему роль Расплюева, которую исполнилъ онъ совершенно своеобразно, никому не подражая. Вотъ, болѣе выдающіяся изъ цѣлаго состава труппы личности, если не считать г-жу Икону, которая обладаетъ рѣдкимъ умѣньемъ переставать на сценѣ быть живымъ человекомъ и читать всю роль (какъ бы велика она ни была) такимъ тономъ, какимъ обыкновенно псаломщики отчитываютъ покойниковъ. Театръ въ Ставрополѣ, говорить, не великъ; но чисто и не безъ вкуса отдѣланъ; оркестръ составленъ не дурно и управляется г. Шатовымъ, какъ слышалъ я, знаткомъ и даже учителемъ музыки. Имъ набирается и отчасти пишется вновь музыка для куплетовъ, но далеко не всегда удачно напр., водевилъ «Голь на выдумки хитра» много потерялъ именно отъ неудачной музыки.

Въ составъ репертуара ставропольскаго театра вошли почти всѣ пьесы Островскаго, кромѣ «Воспитанницы» и «Грозы», которыя, какъ говорили мнѣ, поставятся нѣкѣйшею зимою. «Доходное мѣсто» давалось также въ Пятигорскѣ; но видѣть его, къ крайней досадѣ, мнѣ не удалось, потому что въ это время я былъ переведенъ изъ Пятигорска на другія воды; судя же по общимъ отзывамъ и эта комедія сошла очень успешно.

Къ пятигорскому театру можно примѣнить русскую пословицу «не красна изба углами — красна пирогами».

А. Баженова.

ВЪСТИ ОТВСЮДУ.

Семирамида или *Semiramis*, какъ ее передѣлалъ Мери, продолжаетъ имѣть блистательный успѣхъ и сестры Маркизіо все болѣе и болѣе приводятъ въ восторгъ публику.

Недавно поэтъ Мери давалъ великолѣпный банкетъ сестрамъ Маркизіо и другимъ артистамъ оперы. Банкетъ этотъ, говорятъ, былъ истинный пиръ Вальтара. Мери поднесъ своимъ сестрамъ артисткамъ два экземпляра *Семирамиды* въ самомъ изящномъ переплетѣ, и на первыхъ страницахъ помѣщена ода, написанная имъ къ Маркизіо.

По поводу *Semiramis*, переведенной г. Мери на французскій языкъ и въ музыкальномъ отношеніи также измѣненной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ извѣстнымъ композиторомъ г. Карафа, рассказываютъ о послѣднемъ слѣдующій анекдотъ.

Разъ, когда Карафа присутствовалъ при репетиціи *Семирамиды*, онъ нашелъ речитативъ Россини довольно устарѣлымъ, и поэтому, написавъ сейчасъ же другой, отдалъ его Карлотѣ Маркизіо, съ тѣмъ, чтобы она разучила его къ слѣдующему дню.

Карлота разучила речитативъ.

— Я бы лучше желала пѣть речитативъ Россини, говорила г-жа Маркизіо одному артисту; онъ удивительно хорошо произведетъ большой эффектъ и я нисколько не нахожу его устарѣлымъ.

— Вы правы, отвѣчаетъ артистъ, пойте речитативъ Россини.

— А что скажетъ Карафа?

— Не обращайте на это вниманія... пойте и не говорите ему ничего.

На другой день приѣзжаетъ на репетицію Карафа и важно садится, чтобы слушать новый речитативъ своего сочиненія.

— Послушаемъ речитативъ, говоритъ онъ.

Карлота начинаетъ пѣть речитативъ Россини, который выходитъ необыкновенно эффектенъ. Карафа въ восторгѣ... аплодируетъ, что есть силы.

— Вы удивительно хорошо пропѣли, говоритъ онъ Карлотѣ; но признайтесь, что и речитативъ мой*превосходенъ. Мнѣ рѣдко удавалось написать что-нибудь прекраснѣе этого.

— Правда, правда! раздалось со всѣхъ сторонъ, и Карафа вышелъ съ репетиціи съ торжествующимъ лицомъ.

Tannhäuser Вагнера уже разучивается, переводъ сдѣлаетъ г. Ньютеръ. Вагнеръ непременно хотѣлъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ прозой, однако его уговорили и онъ согласился на стихи.

Но есть еще другое затрудненіе въ постановкѣ «Тангейзера».

— Знаете ли, говоритъ директоръ театра Вагнеру, намъ необходимо вставить въ вашу оперу балетъ.

— Ни за что! восклицаетъ Вагнеръ.

— Но вѣдь вы не знаете того, что парижская публика неохотница до музыки безъ балета; она не пойдетъ слушать вашу оперу. А такъ какъ у насъ есть абоненты, которые приносятъ намъ 3,500 ф., то мы и не смѣемъ не удовлетворить требованіямъ публики.

— Я не доущу балета.

— Ну, такъ оперу вашу и дать нельзя.

Нѣсколько дней спустя Вагнеръ приходитъ къ директору.

— Я сдѣлалъ балетъ, говоритъ онъ.

— А! тѣмъ лучше! Вы помѣстили его во второмъ актѣ?

— Нѣтъ.

— Тогда худо; въ третьемъ ужъ поздно. Публика уѣзжаетъ послѣ втораго акта.

— Я не въ третьемъ актѣ его помѣстилъ.

— Такъ стало быть въ первомъ?

— Нѣтъ, я поставилъ его сначала... передъ первымъ. Неужели вы думаете, что я помѣщу вдругъ въ мое твореніе балетъ?

Какъ ни бился директоръ, но Вагнеръ остался непоколебимъ.

Изъ Спа пишутъ, что въ большой залѣ de la Redoute, недавно былъ устроенъ большой музыкальный праздникъ; стеченіе публики было огромное, и неудивительно: на афишѣ стояло имя знаменитаго Вивье.

Глюкъ и Пиччини и ихъ приверженцы.

Эпизодъ изъ исторіи Большой Парижской Оперы 1780—1790 г.

(Окончаніе.)

Мармонтель былъ принужденъ наконецъ имѣнаться. Добродушіе Пиччини имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что наконецъ все стали себя позволять. Однажды, на репетиціи, актеры вздумали заставить играть вмѣсто себя подставныхъ. Взыбленный поэтъ закричалъ, что онъ никогда не потерпитъ, чтобы подставные исполняли твореніе величайшаго композитора Италіи и живо вырвалъ роль изъ рукъ актера, заступавшаго мѣсто Легро. Тогда поднялась страшная суматоха. *Подставные* мушкетеры и дамы сочли себя обиженными. Какая-то актриса осмѣлилась даже замѣтить академику, что не ему бы, *двойнику* Кино, отзываться съ такимъ пренебреженіемъ о подставныхъ.

Не смотря на эту неурядицу, на упрямство и нежеланіе пѣвцовъ, сами обстоятельства привели, наконецъ, этотъ день, столь желанный и столь страшный для Пиччини. Композиторъ былъ почти уже доволенъ исполнителями; онъ выходилъ изъ залы генеральной репетиціи, изнуренный правда до пельза, но одною тяжестію менѣе на плечахъ; онъ дышалъ свободно, какъ человекъ, котораго хлопоты кончились; какъ вдругъ танцовщикъ Вестрисъ бросился къ нему и проводилъ даже домой, требуя, чтобы онъ написалъ музыку для танцевъ третьяго акта, гдѣ должна была танцовать мадмуазель Гимардъ. Мотивы для танца! а бѣдный Пиччини считалъ, что его работа уже кончена! Не смотря на то, онъ даже не пытался отклонить отъ себя услуги, требуемой Вестрисомъ, и извиниться немѣлкимъ уже времени, такъ какъ хорошо зналъ, что Вестрисъ выйдетъ отъ него только тогда, когда получитъ музыку. Пиччини беретъ перо, даже не сядя на стулъ, и располагается писать на своемъ каминѣ.

— Хорошо, сказалъ онъ со вздохомъ самоотверженія, нужно васъ удовлетворить; какъ не угодить такой хорошенькой пастушкой?

И онъ въ нѣсколько минутъ написалъ этотъ гавотъ, одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ въ партитурѣ.

На другой день, вечеромъ, когда время уже было отправляться въ театръ, Пиччини, съ блѣднымъ, но спокойнымъ ли-

цомъ, находился въ маленькой своей гостиной, окруженный группой друзей. Жена его и сынъ плакали на взрыдъ, какъ будто-бы онъ шелъ на убой. Когда онъ взялся за шпину, бѣдная Винченца Сивилла, почти обезумѣвшая отъ страха, бросилась къ нему на шею и не давала ему уйти. Тогда онъ принужденъ былъ произнести длинную рѣчь, въ которой доказывалъ, что нужно имѣть болѣе довѣрчивости къ справедливости ихъ судей.

— Дѣти! сказалъ онъ имъ, неужели вы думаете, что мы находимся среди варваровъ! Нѣтъ, мы въ гостяхъ у народа самаго учтиваго, самаго кроткаго въ Европѣ. Если не признаютъ во мнѣ музыкальнаго таланта, то по крайней мѣрѣ уважать человека и иностранца. Прощайте, ободритесь, главное, не терять надежды; что касается до меня, то я отправлюсь спокойно, и возвращусь также, каковъ бы ни былъ успѣхъ.

Успѣхъ былъ полный. Глюкисты нисколько его не отрицали. Они говорили, что они никогда не отнимали у Пиччини ни граціи, ни мелодіи съ счастливыми оборотами, хотя и запечатлѣнной излишнею мягкостію. Его Роландъ выразилъ въ себѣ всѣ прекрасныя стороны таланта, отъ котораго можно было требовать только развѣ немного болѣе изящества; но онъ, въ то же время, подтвердилъ мнѣніе людей, отказывавшихъ Пиччини въ струнахъ высокихъ, или другими словами, въ энергическихъ потрясеніяхъ души. Какъ бы то не было, всѣ безъ исключенія хотѣли слышать эту оперу, одними превознесенною до небесъ, а другими хвалимую умѣренно. Во время представленій театръ бывалъ постоянно биткомъ набитъ.

Королева Марія Антуанета, не смотря на свою страстную привязанность къ Глюку, не желала однако-жъ вмѣшаться неприязненно въ дѣла Пиччини. Она до такой степени забыла, что онъ когда-то служилъ орудіемъ графини Дюбарри, что, послѣ окончательнаго торжества Роланда, было рѣшено, что она будетъ у него брать уроки пѣнія и что итальянскій маэстро будетъ нарочно для этого пріѣзжать въ Версаль, два раза въ недѣлю. Нельзя отрицать, что такое рѣшеніе доставило артисту гораздо болѣе почестей, чѣмъ выгодъ. Его прогулки въ Версаль обходились ему очень и очень недешево, а никому и въ голову не пришло подумать о вознагражденіи. Самъ же композиторъ никакъ не рѣшился просить чего либо. Кромѣ того онъ имѣлъ честь, честь слишкомъ цѣнную, поднести изящныя и богатые экземпляры партитуры своего Роланда королевѣ, королю, братьямъ короли и принцессамъ королевскаго семейства.

Директоромъ оперы въ то время былъ Бертонъ, преемникъ Геберта. Онъ себѣ вообразилъ, что выкинетъ чудесную штуку, если успѣетъ примирить двухъ соперниковъ. Это было цѣлью всѣхъ желаній истинныхъ друзей искусства; но можно ли было надѣяться ее достигнуть? Даже всякая попытка была уже рискованъ. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, два антагониста согласились, однако-жъ, сойтись выѣсть на большомъ ужинѣ. Казалось, что они забыли прежніе раздоры и шли рука объ руку, какъ лучшіе въ мірѣ пріятели. Разговоръ былъ живой, свободный и искренній; всѣ присутствующіе были тронуты. Постарались о томъ, чтобы на балкетѣ посадить ихъ другъ подлѣ друга. Можно было принять ихъ за братьевъ, свидѣвшихся послѣ долгой разлуки и находившихся еще подъ обаяніемъ нервныхъ ласкъ.

Глюкъ, который былъ говорливѣе Пиччини, да сверхъ того возбужденный еще виномъ, не умолкалъ. Его голосъ, отъ природы громкій, и веселый хохотъ были слышны въ цѣломъ

домѣ. Не будучи пьянъ, онъ однако-жъ пришелъ въ то неопредѣленное состояніе, когда болтаютъ обо всемъ, что только взбредетъ на умъ, даже о такихъ вещахъ, о которыхъ вовсе не думаютъ, да и нельзя серьезно думать.

— Французы-добряки, сказалъ онъ Пиччини, но они выпуждаютъ меня смѣяться. Хотятъ, чтобы сочиняли для нихъ оперы, а не умѣютъ ихъ пѣть. Любезный мой другъ! вы человекъ знаменитый въ цѣлой Европѣ, вы думаете только о томъ, какъ-бы поддержать свою славу; вы сочиняете для нихъ прекрасную музыку, но счастливы ли вы отъ того? Повѣрьте мнѣ, въ нашей земной юдоли нужно заботиться о пріобрѣтеніи денегъ, а ничего либо иного.

Глюкъ, конечно, понималъ финансовую сторону предмета гораздо лучше, нежели его собрать по искусству. Капиталъ, оставленный имъ послѣ смерти, составившій не менѣе шести сотъ тысячъ франковъ, показываетъ, что онъ умѣлъ одинаково заботиться и о выгодахъ своего кармана, и о своей славѣ. Но, разсуждая такъ не по-рыцарски объ искусствѣ, онъ, конечно, вводитъ самъ на себя клевету. Если это было иначе, если Глюкъ былъ, такъ сказать, не болѣе какъ продавцомъ нотъ, то почему онъ измѣнилъ своей первой методѣ, доставившей ему въ Италіи столь блистательные триумфы, и наконецъ самой вѣрной для кармана, такъ какъ всегда бываетъ, что истина, только послѣ продолжительной борьбы, успѣваетъ преодолѣть всѣ препятствія и открывается глазамъ толпы. Слѣдовательно, не нужно принимать буквально этихъ словъ, а должно смотрѣть на нихъ, какъ на неимѣющую никакого значенія выходку человека, разсудокъ котораго былъ отуманенъ виновными парами.

Примиреніе казалось искреннимъ и въ самомъ дѣлѣ эти два великіе гении протянули другъ другу руки отъ всего сердца и безъ задней мысли, со всѣмъ радушіемъ. Но завистло ли отъ нихъ самихъ перестать быть врагами? Каждый изъ нихъ принадлежалъ партіи, не отрешившейся ни отъ своей ненависти, ни отъ своихъ разсчетовъ, и бывшей въ силахъ смѣшать опять карты, когда ей это вздумается: дѣйствительно, перемиріе было не продолжительно и непріятельскія дѣйствія не замедлили возобновиться, какъ это сейчасъ увидимъ.

Опера опять перемѣнила директора: Девизмъ наследовалъ Бертону. Въ одно утро онъ присылаетъ къ Пиччини записку, прося его пожаловать къ нему тотчасъ-же: предложено была выставлена необходимость сообщенія какой-то важной новости. Композиторъ не преминулъ явиться.

— Вотъ, сказалъ ему Девизмъ, вотъ прекрасная поэма, которую не возьмется ли вы положить на музыку: это «Ифигенія въ Тавридѣ». Г. Глюкъ тоже займется этимъ сюжетомъ и безпристрастная публика рѣшитъ между вами. Я желаю вести во Франціи обычай, существующій въ Италіи, по которому два маэстро обрабатываютъ музыку на тотъ же самый предметъ.

— Но для этого нужно, чтобы поэма была та же самая.

— Это не совершенно та же самая поэма, но тотъ же сюжетъ и тотъ же планъ; вы только положитесь на мой выборъ.

Пиччини пришелъ въ смущеніе, вспоминая сколько было шума по поводу Роланда.

— Вамъ конечно извѣстно, сударь, о предубѣжденіяхъ и даже ненависти, питаемой многими ко мнѣ, безъ всякой съ моей стороны вины. Если «Ифигенія въ Тавридѣ» г. Глюка будетъ представлена прежде моей, то моей оперы навѣрное не захотятъ слушать.

Девизмъ поспѣшилъ ободрить его.

— Даю вамъ честное слово, возразилъ онъ, что ваша опера поставлена будетъ на сцену прежде Глюковой; дайте мнѣ, въ свою очередь вамъ, что вы не будете никому объ этомъ говорить, даже самымъ короткимъ друзьямъ вашимъ. Я убѣдился и лично и изъ отзывовъ лучшихъ литераторовъ, что эта поэма превосходное твореніе.

Пиччини заперся на ключъ дома и, будучи вѣренъ принятому имъ на себя обязательству, прицѣпился съ жаромъ за работу. Соперничество его не утруждало; онъ былъ увѣренъ въ своемъ дарованіи и требовалъ только отъ другихъ безпристрастія, котораго артистъ выправѣ ожидать отъ своихъ судей. Первые два акта были уже написаны, когда пронесся слухъ, что кавалеръ (такъ обыкновенно называли Глюка), отправившійся было на короткій срокъ въ Германію, возвращается назадъ и везетъ «Ифигенію въ Тавриду». Эта новость не удивила Пиччини; онъ только поспѣшилъ окончаніемъ работы; да и чего ему было бояться: опера его, во всякомъ случаѣ, будетъ представлена прежде. Между тѣмъ въ публикѣ стали поговаривать, что опера *германскаго Орфея* (друзья Глюка не называли его иначе) будетъ скоро репетироваться и что, чтобы не случилось, это будетъ первая новость въ музыкальномъ свѣтѣ. Пиччини подумалъ про себя: пусть ихъ говорятъ, развѣ я не знаю чего держаться, вѣдь у меня за пазухой обѣщаніе Девизма.

Однако-жъ слухъ этотъ все болѣе и болѣе распространялся; люди, обыкновенно почерпавшіе свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, сказывали даже, что это уже дѣло рѣшенное. Не вѣря ни одному слову, Пиччини, нѣсколько затронутый наконецъ этими слухами и предположеніемъ, что директоръ могъ его обмануть, отправляется однако къ нему, говорить, что половина его партитуры уже написана и что другую онъ надеется представить въ самомъ непродолжительномъ времени. Девизмъ, принявъ его самымъ лучшимъ образомъ, казалось затруднился. Пиччини, примѣтивъ это смущеніе, припоминаетъ ему ихъ взаимныя обязательства и наконецъ доводитъ его до того, что тотъ признается, что онъ вынужденъ, не смотря на живѣйшее свое желаніе услужить ему, отложить постановку на сцену его оперы до того времени, когда ужъ представлена будетъ опера Глюка.

Пиччини, при такомъ извѣстіи, подскочилъ какъ раненный левъ! Развѣ Девизмъ не далъ ему честнаго слова? не онъ ли увѣрялъ его, что его опера предшествовать будетъ оперѣ Глюка? Не было ли это условіемъ, которое одно только заставило его, Пиччини, приняться за работу? Девизмъ соглашался со всѣмъ; но онъ, по его словамъ ничего не могъ сдѣлать; ему связали руки; онъ получилъ приказъ репетировать оперу *кавалера*. Напрасно композиторъ Роланда объясняетъ ему всю чудовищность подобной обиды, припоминаетъ слова ихъ разговора, потерянный трудъ; онъ проповѣдуетъ въ пустынѣ. Девизмъ вновь соглашается со всѣмъ, сожалеетъ, что не могъ сдержать даннаго имъ слова, но пусть Пиччини укажетъ ему, какъ можно было устроить дѣло иначе. Бѣдный музыкантъ, видя, что отъ него ничего нельзя добиться, оставилъ его въ покоѣ и вышелъ съ смертью въ душѣ. Еслибы онъ не былъ мужемъ и отцомъ, то конечно бросился бы въ воду. Отъ него этого требовали! хотѣли взвалить на него столько непріятностей, чтобы онъ наконецъ отказался отъ борьбы съ соперникомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ всѣ шансы къ успѣху! Никогда еще не было гяжелѣе на душѣ у бѣднаго Пиччини.

Одно только полное фіаско оперы его соперника могло бы

удовлетворить его мести. Увы! случилось совершенно противное. Успѣхъ оперы кавалера, представленной 18 мая 1780 года, превзошелъ его предшествовавшіе триумфы. Въ самомъ дѣлѣ «Ифигенія въ Тавриду» Глюка—величественное музыкальное созданіе, носящее на себѣ печать античной строгости и заслужившее во всѣхъ отношеніяхъ овацію, ему сдѣланную. Въ ней только одно хорошее мѣсто, говорили, — вся опера. Сонъ Ореста, и до сихъ поръ, остается одною изъ самыхъ дивныхъ музыкальных сценъ, какія только когда-либо создавалъ творческій гений.

Торжество было совершенное и вполне заслуженное, но оно пало на Пиччини, подобно сизифовой скалѣ, и раздавило его. Музыка его оперы могла быть самою превосходнѣйшею музыкою въ мірѣ, но ее не хотѣли уже слушать, и перестали разсуждать объ ней. Съ того времени предразсудокъ явился у толпы противъ его труда. Публика неохотно соглашается перемѣнять свои впечатлѣнія и убѣжденія; она шла въ театръ съ невольнымъ враждебнымъ чувствомъ къ Пиччини и несчастному композитору мало оставалось надежды когда нибудь преодолѣть эту непріязненность. А между тѣмъ горько было бы отказаться отъ надеждъ, опрокинутыхъ вѣроломствомъ противниковъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе и изливалъ свою горестъ въ жалобахъ на людскую несправедливость предъ друзьями, старавшимися его утѣшить, на сколько это было возможно. Въ одну изъ такихъ-то минутъ онъ вздумалъ показать поэму одному изъ своихъ друзей, Гигене, который въ послѣдствіи описалъ во всей подробности эту печальную исторію. Тотъ, прочитавъ первые стихи, не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть: поэма была хуже, чѣмъ плоха, она была смѣшна. Враги Пиччини весьма неблагородно воспользовались его незнаніемъ языка, чтобы всунуть ему въ руки сочиненіе, отъ котораго отказался бы даже школьникъ.

Пиччини печально поднялъ глаза къ небу, услышавъ объ этомъ новомъ несчастіи.

— Но можно ли ее исправить? спросилъ онъ съ тоской.

— Нужно было бы для этого рѣшительно все передѣлать, отвѣчалъ Гигене.

— Ахъ! передѣляйте, мой другъ, умолялъ онъ жалобнымъ голосомъ, постарайтесь только сохранить что можно, изъ двухъ первыхъ актовъ. Исправляйте, соображаясь съ музыкой! Что же касается до двухъ послѣднихъ, то дѣлайте съ ними что хотите. Я испрошу на это согласіе автора.

Пиччини, обѣщая съ такою самоувѣренностію испросить согласіе автора поэмы, бралъ на себя слишкомъ много. Въ самомъ дѣлѣ только послѣ многихъ просьбъ, моленій и настояній, это согласіе было дано Дюбрейлемъ, бездарнымъ сочинителемъ «Ифигеніи въ Тавриду»; казалось самой судьбой было назначено, чтобы Пиччини на своемъ артистическомъ поприщѣ встрѣтилъ всѣ трудности, всѣ камни преткновенія, какіе только попадаются на пути бѣднаго художника. Но это было еще не послѣднее испытаніе...

Мармонтель еще прежде, чѣмъ пошла суматоха изъ за этой несчастной Ифигеніи, далъ ему поэму «Атисъ». Но Пиччини долженъ былъ оставить начатый имъ уже трудъ, чтобы занять образцовымъ твореніемъ Дюбрейля. Послѣ того онъ вновь принялся за прерванный трудъ, посвятилъ ему себя исключительно и окончилъ его до исхода еще 1780 года. «Атисъ» былъ представленъ 22 февраля слѣдующаго года. Никогда еще театральное представленіе не поднимало такой бури. Все рѣшительно было пущено въ ходъ, чтобы уронить пьесу: хохотъ,

шентанія, кашель, шиканье. Сморгавііе носы заглушали голоса пѣвцовъ и оркестра. Пиччини думалъ, что паденіе его было совершенное. Но слѣдующіе дни вознаградили его за этотъ вечеръ; каждое новое представленіе увеличивало только успѣхъ этой прелестной оперы. Сонъ «Атиса» заслужилъ всеобщія похвалы. Въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть восхитительнѣе этого отрывка, который пережилъ остальные части партитуры, увлеченной въ Лету неумолимымъ временемъ.

Пиччини провелъ нѣсколько дней спокойно и счастливо. Но это спокойствіе, это счастье были возмущены и опять-таки этой проклятой «Ифигеніей въ Тавридѣ». Пиччини, какъ мы уже рассказали, поднимъ перчатку, ему брошенную; борьба его не только не ужасала, но онъ даже желалъ ея; нужно было, чтобы судьба рѣшила наконецъ споръ между нимъ и Глюкомъ, а это могло имѣть мѣсто только на одной и той же аренѣ. Потому, никакъ онъ не могъ рѣшиться отстать отъ своихъ древнихъ намѣреній. Когда Гигене исправилъ поэмъ, онъ принялся за нея опять, сочинилъ музыку двухъ послѣднихъ актовъ и, покончивъ дѣло съ quasi-авторомъ первоначальнаго манускрипта, отдалъ свое дѣтище на произволъ всѣхъ случайностей сцены.

По окончаніи перваго представленія публика выходила изъ театра, не произнеси своего мнѣнія на счетъ пьесы. Шумъ, бурное соперничество партій, многолюдство, громкіе возгласы райка, все это дѣлало невозможнымъ составить себѣ окончательное сужденіе. Признавали, что въ оперѣ были прекрасные мѣста, пассажи, написанные съ энергіей и съ увлеченіемъ, которыхъ, до того времени, не находили въ талантѣ Пиччини; особенно хвалили арію Пилада, начинающуюся словами: «Орестъ, именемъ родины!» полную порыва, силы, могущества; но что касается до ансамбля пьесы, то окончательный приговоръ отлагали до другаго раза.

Въ слѣдующій спектакль всѣ были на своихъ постахъ, друзья и зоиы. Исполненіе главной роли, роли Ифигеніи, поручено было мадмуазель Лагерръ, знаменитой тогда не однимъ талантомъ. Хотя она не была артистка съ высокимъ драматическимъ гениемъ, за то она обладала золотымъ горлышкомъ, превосходнѣйшимъ голосомъ во всей силѣ молодости и свѣжести; красота ея усиливала обаяніе, производимое ею на публику. — Ифигенія является на сцену, начинаетъ пѣть. Въ залѣ можно было слышать полетъ мухи. Но Ифигенія шатается, черты ея измѣнились какъ-то странно, глаза блуждаютъ, колѣни ея подгибаются. Что же сдѣлалось съ Ифигеніей? Если ея колѣни гнутся въ первомъ актѣ, то что же будетъ въ послѣднемъ? Но слушайте! она поетъ. Но развѣ это пѣніе? Это какіе-то странные, хриплые, глухіе звуки, вырывающіеся изъ слишкомъ взволнованной груди, которые съ трудомъ можно уловить. Слушатели посматриваютъ другъ на друга, спрашивая, чтобы могло это значить? Но это слишкомъ было ясно, и не трудно было угадать причину смущенія актрисы, не вошедшую въ намѣренія поэта, и не предвидѣнную композиторомъ.

Мадмуазель Лагерръ имѣла маленькую слабость; но кто же чуждъ недостатковъ и немощей? Она любила, какъ бы лучше выразиться? она любила немощко выпить; но это выраженіе слишкомъ тривіально; скажемъ просто, она любила вино. Если бы она еще любила его темного, то это бы еще ничего, но она жаловала его ужъ черезъ-чуръ. По сосѣдству съ оперой былъ кабачекъ, который содержалъ Борже, подъ вывѣскою *Памалона*; туда она ходила, съ своей вѣрной наперстницей, Юліей, и старалась вдохновить себя виномъ. Но зачѣмъ же

она бывала именно у Борже? Дѣвица, оставившая послѣ своей смерти миллионъ восемьсотъ тысячъ ливровъ, кажется, могла бы доставить себѣ это маленькое удовольствіе, не выходя изъ дома? но, родившись въ самомъ низкомъ слоѣ народа, она сохранила его привычки и наклонности и по инстинкту стремилась къ тому кружку, откуда случай извлекъ ее и бросилъ въ блестящее, разсѣянное, свѣтское общество, куда доставили ей доступъ красота и талантъ. Есть-же такіа личности, которыя никогда не могутъ освободиться отъ пятна, наложеннаго на нихъ при рожденіи. Какъ бы то ни было, мадмуазель въ этотъ самый день, для того безъ сомнѣнія, чтобы блеснуть въ новой роли, *хлынула*, какъ говорится, *черезъ край* и непріятныя послѣдствія, отъ сего происшедшія, суждено было раздѣлить съ нею и бѣдному Пиччини.

Выйдя за кулисы послѣ первой сцены, она умыла себѣ лицо и употребила всѣ средства, чтобы быть спокойнѣе и тверже на ногахъ и освѣжить свои мысли, но голосу ничѣмъ нельзя было помочь. Она впрочемъ имѣла неустрашимость вновь показаться на сценѣ и играть роль до конца, среди смѣха и шушуканій публики, кажется забывшей тогда о томъ, что существуетъ на свѣтѣ какой-то Пиччини. Рассказываютъ, что де-Коссе произнесъ при этомъ случаѣ каламбуръ, бывший потомъ въ устахъ цѣлаго Парижа.

— Это не Ифигенія *въ Тавридѣ*, это Ифигенія *въ Шампани*.

Въ тотъ же самый вечеръ, она, по приказанію короля, была отправлена *отпѣчивать* въ фортъ Лебекъ.

Спустя два дня, мадмуазель Лагерръ вышла изъ форта и принялась за свою роль. Конечно, она должна была имѣть кое какія сомнѣнія на счетъ приѣма, ожидавшаго ее, и потому не смотря на свою храбрость, не безъ смущенія явилась въ театръ. Счастливый случай помогъ ей и обратилъ въ *браво* свистки, къ которымъ она уже было приготовилась. Она вошла на сцену, распѣвая эти два стиха:

«О роковый день, который напрасно желаю я
Исключить изъ списка дней моихъ!»

Она произнесла ихъ, съ видомъ такого смиренія и раскаянія, что добрая госпожа публика не имѣла духа осудить ее. Оставалось только заслужитьнисходительное забвеніе и она пѣла въ этотъ вечеръ какъ ангелъ, такъ счастливо передала роль, что маэстро былъ въ восхищеніи. Тогда можно было судить объ «Ифигеніи» итальянскаго орфея и безпристрастно сравнивать оперы соперниковъ.

Пальма первенства, какъ и должно было ожидать, осталась за Глюкомъ: музыка его носить на себѣ отпечатокъ величія и важности, до которыхъ не достигнула, хотя и весьма замѣчательная партитура, Пиччини. Впрочемъ, приверженцы послѣдняго оспаривали эту побѣду; но, въ настоящее время, вопросъ рѣшенъ: превосходство Глюка никакъ не оспаривается.

Спустя нѣмного времени, Глюкъ распрощался съ Франціей и въ этотъ разъ уже навсегда. Онъ удалился въ Вѣну и вскорѣ кончилъ тамъ славные дни свои, окруженный удивленіемъ и уваженіемъ всей Германіи.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда разрывали одно кладбище въ Вѣнѣ съ цѣлью отыскать могилу Моцарта, нечаянно открыли надгробный камень творца «Орфея», совершенно покрытый мхомъ и расколовшійся на двѣ половины. Камень этотъ былъ закрытъ прежде отъ взоровъ посѣтителей пыльнымъ мавзолеемъ, принадлежавшимъ какому-то богатому банкиру, кото-

раго сын обанкрутился, разоривъ нѣсколько семействъ. Эпифанія гласитъ, что:

«Здѣсь лежитъ честный человекъ нѣмецъ, хорошій христіанинъ и вѣрный мужъ. — Христофоръ, кавалеръ Глюкъ, учитель музыкальнаго искусства, умершій 15 ноября 1787 г.»

Когда Пиччини узналъ о смерти своего соперника, то сдѣлалъ предложеніе, показывающее намъ его прекрасную душу и благородное сердце. Онъ предложилъ давать ежегодно по подпискѣ, *въ честь человека, говорилъ онъ, которому ничъ ирический театръ столько же обязанъ, сколько французская драматургія великому Корнею*, одинъ концертъ въ день его смерти, составленный исключительно изъ его собственныхъ произведеній. Этотъ прозекъ раздѣлилъ участь многихъ другихъ предложеній, внушенныхъ благороднымъ сердцемъ: онъ обольстил нѣсколько умовъ, болѣе склонныхъ къ энтузіазму, чѣмъ къ постоянству, быстро охладѣвшихъ, и былъ забытъ даже тѣми, которымъ болѣе всего нравился. Но нельзя вспомнить безъ слезъ о добродушій итальянца! Былъ ли способенъ Глюкъ къ такому самоотверженію? По чистой совѣсти говоря, мы въ этомъ сомнѣваемся.

Если въ борьбѣ съ этимъ гигантомъ, Пиччини не остался побѣдителемъ, то справедливость требуетъ сказать, что самое замѣчательное созданіе композитора «Роланда» и «Атиса», его образцовое произведеніе, появилось уже послѣ удаленія со сцены знаменитаго его соперника. Мы говоримъ о «Дидонѣ». Дидона, эта несчастная царица, такъ жестоко покинута своимъ возлюбленнымъ, была сюжетомъ какъ нельзя лучше соответствующимъ нѣжной, любящей, чувствительной до чрезвычайности душѣ Пиччини.

— Даже тогда, когда я еще не началъ сочинять этой оперы, говорилъ онъ, я плакалъ, вспоминая о Дидонѣ. Я повторялъ себѣ безпрестанно: «несчастная женщина!»

Пиччини написалъ эту превосходную партитуру въ семнадцать дней. Оркестровка стоила ему не болѣе какъ пятнадцатидневнаго занятія. Идея лилась на бумагу; восторженность задушала его; перо было безсилно выразить безпредѣльное чувство. За то торжество оперы не было похоже на то, что мы обыкновенно называемъ успѣхомъ. Теперь, когда Глюкъ удался уже изъ Франціи, его замѣнили другимъ антагонистомъ, вокругъ котораго сгруппировались глюкисты. Это былъ Саккини, обязанный самому Пиччини возможностью вступить съ нимъ въ борьбу, такъ какъ, только при его содѣйствіи, удалось Саккини преодолѣть безчисленные препятствія, встрѣченныя имъ въ началѣ артистическаго его подвига.

Саккини дебютировалъ партитурой, о которой разсказывали чудеса и въ самомъ дѣлѣ она была весьма миленькая вещь, — «Хименой». Глюкисты старались превознести «Химену» до небѣсъ и распускали весьма невыгодные слухи на счетъ «Дидоны». Созданіе Пиччини должно было быть истинно гениальной оперой, чтобы восторжествовать надъ всѣми этими интригами, происходившими и за кулисами, и въ гостинныхъ. Но такая была слава «Дидоны», переданной слушателямъ г-жею Сент-Губерти, съ умомъ, страстію и чувствомъ, что «Химена», расхваленная еще до перваго представленія, была уничтожена своей соперницей, представленной три раза, безъ перерыва, въ Фонтенебло. Король отозвался самымъ лестнымъ образомъ о «Дидонѣ»:

— Эта опера, сказалъ онъ, произвела на меня впечатлѣніе, какое только можетъ быть произведено прекрасною трагедіею.

Если «Дидона» не была послѣднимъ произведеніемъ Пиччини, то по крайней мѣрѣ, принесла ему въ послѣдній разъ торжество. Послѣдующія за тѣмъ оперы, изъ числа коихъ мы упомянемъ о «Пенелопѣ» и «Клитемнестрѣ», имѣли весьма посредственный успѣхъ. «Чеккина», написанная имъ еще до пріѣзда въ Парижъ и положившая основаніе его извѣстности, и «Дидона» были два оазиса въ безплодной пустынѣ этой артистической жизни, постоянно бурной. Къ страданіямъ самолюбія присоединилась вскорѣ бѣдность, или по крайней мѣрѣ то, что близко къ ней подходитъ. Революція уже началась; тронъ, въ своемъ паденіи, увлекъ за собою много фортуны и существованій, даже нѣтъ дѣловаго и политическаго міра. Въ одно и тоже время у Пиччини отняли и пенсіонъ въ шесть тысячъ ливровъ, условленный при переселеніи его во Францію, и три тысячи ливровъ, которые получалъ онъ отъ оперы. Онъ лишился сверхъ того и пенсіона, производившагося ему изъ государственнаго казначейства, выхлопотаннаго Лабордомъ за уроки, которые давалъ онъ дочерямъ послѣдняго. Нужно было уѣзжать, уѣзжать какъ можно скорѣе и покинуть эту негостепріимную землю, забывшую объ обстоятельствахъ прошедшаго времени.

Пиччини рѣшился на эту крайность въ іюлѣ мѣсяцѣ 1791 года и въ сентябрѣ прибылъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, въ Неаполь. Годъ спустя послѣ того, онъ выдалъ за мужъ одну изъ своихъ дочерей за одного французскаго негодяя, котораго либеральныя и независимыя идеи навлекли на смирнаго Пиччини отвращеніе двора и дворянства. На творца «Атиса» и «Дидоны» стали смотрѣть какъ на якобинца и, по приказанію министра Актона, ему запрещено было показываться въ публикѣ, какъ-бы одного его появленія достаточно было для вспышки огромнаго пожара. Такъ продолжалось пять лѣтъ; по истеченіи ихъ, Пиччини получилъ отъ короля разрѣшеніе ѣхать въ Венецію, гдѣ пѣвецъ Давидъ прискалъ для него ангажементъ. Но поѣздка въ Венецію была только предлогомъ: Пиччини отправился по дорогѣ въ Римъ, гдѣ друзья снабдили его средствами для возвращенія во Францію.

Въ Парижѣ онъ былъ принятъ, съ большими почестями, Госсекомъ, Херубини, Метюлемъ, Лесюеромъ и Мартини, главами начинавшей тогда формироваться французской музыкальной школы. Ему отвели великолѣпную казенную квартиру и дали пять тысячъ франковъ въ единовременное пособіе, для обзаведенія, и четыре тысячи франковъ ежегоднаго содержанія, на половину изъ суммъ оперы, а на половину изъ литературнаго фонда. Это было немного. Къ счастью наступило 18-е брюмера. Онъ обратился съ просьбою къ первому консулу и просьба эта была удовлетворена. Кромѣ того Бонапарте пригласилъ Пиччини посѣтить его въ Люксембургскомъ дворцѣ и весьма милостиво принялъ знаменитаго старца. При появленіи Пиччини, первый консулъ всталъ, пошелъ къ нему на встрѣчу, взялъ за руку и, не смотря на его сопротивленіе, заставилъ его сѣсть въ кресло.

— Садитесь, прошу васъ, сказалъ онъ ему, человекъ съ вашими достоинствами, не долженъ стоять ни передъ кѣмъ.

Спокойные, счастливые дни могли бы наступить для бѣднаго Пиччини, но уже видно на роду у него было написано, что счастье для него всегда будетъ убогающимъ призракомъ. Изнеможенный, больной, онъ отправился въ Пассеискать чистаго и цѣлебнаго воздуха. Но было уже поздно; ничто не могло отдалить его близкой кончины. Онъ умеръ тамъ 7 мая 1800 года, семидесяти двухъ лѣтъ, окруженный на смертномъ

одрѣ своей семьей, видѣвшей въ немъ своего идола и свое провидѣніе.

Погребенъ онъ былъ въ самомъ Пасси. Вотъ надпись, которую нрѣзали на черной мраморной плитѣ, покрывшей его могилу:

«Здѣсь почіетъ Николай Пиччини, учитель неаполитанской

капеллы; славный въ Италіи, во Франціи, въ Европѣ; дорогой искусствамъ и дружбѣ; родился въ Барѣ, въ неаполитанскомъ государствѣ, въ 1728 году, умеръ въ Пасси, 17 флореалья VIII года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ОПЕРЫ
ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ,
М. И. ГЛИНКИ,
АРРАНЖИРОВАННОЙ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ,
К. П. ВИЛЬБОА.

До сихъ поръ ни одна еще русская опера не была никогда издаваема для фортепiano въ четыре руки, не смотря на то, что для выполненія оперъ, арранжировка эта полнѣе, нежели всякая другая инструментальная арранжировка, можетъ передавать красоты сложнаго музыкальнаго произведенія.

Опера «Жизнь за Царя», какъ произведеніе гениальное и слушающее полнѣйшимъ выраженіемъ нашей народной музыки, которая съ этой оперы начинаетъ свою новую эру, по преимуществу, должна быть издана прежде другихъ произведеній нашего гениальнаго, единственнаго народнаго композитора.

Арранжировка оперы поручена была К. П. Вильбоа, который еще при жизни композитора, подъ его руководствомъ, арранжировалъ эту оперу вполнѣ, какъ для фортепiano съ пѣніемъ, такъ и для одного фортепiano въ двѣ руки.

Настоящій трудъ г. Вильбоа уже окончилъ вполнѣ, включивъ въ арранжировку и тѣ номера оперы, которые обыкновенно выпускаются при выполненіи ея на сценѣ. Все изданіе оперы составитъ до 600 страницъ большаго формата.

Прежнія изданія произведеній Глинки возбуждали всегда живое сочувствіе русской публики и пользовались огромнымъ успѣхомъ; по этому, Стелловскій, предпринимая теперь изданіе этой оперы въ арранжировкѣ для фортепiano въ четыре руки, имѣетъ въ виду удовлетворить потребности любителей русской музыки и почитателей роднаго великаго таланта.

Большія издержки на изданіе этого огромнаго произведенія, лишаютъ издателя возможности продавать оперу, по выпускѣ ея въ свѣтъ, по дешевой цѣнѣ; въ слѣдствіе чего, желая сколько возможно удешевить изданіе, Стелловскій открываетъ подписку на полученіе оперы на слѣдующихъ условіяхъ:

Первый актъ оперы „Жизнь за Царя“, въ 4 руки, выйдетъ въ теченіе будущаго сентября мѣсяца.

Цѣна за всѣ пять актовъ назначается . . 12 руб. сер.
Въ счетъ сего вносится при подпискѣ не менѣе 3 руб.

Остальные же уплачиваются по мѣрѣ выпуска оперы, за каждый актъ по 3 руб., кромѣ послѣдняго акта, который будетъ разосланъ безденежно.

Иногородные за пересылку не платятъ.

Въ отдѣльной продажѣ, опера, по выпускѣ ея въ свѣтъ, будетъ продаваться значительно дороже.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Музыкальномъ магазинѣ О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта; въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной у Казанскаго моста; въ Конторѣ типографіи Императорскихъ Театровъ, на Вознесенскомъ проспектѣ, въ д. Соболевской. — Въ Москвѣ: въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда и книжномъ Базунова. — Въ Казани: въ книжномъ магазинѣ Мясникова. — Въ Харьковѣ: въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда. — Въ Тифлисѣ: въ магазинѣ Кетхудова, подъ фирмою «Лира». — Въ Одессѣ: въ музыкальномъ магазинѣ Цанотти. — Въ Полтавѣ: въ музыкальномъ магазинѣ Калливоды. — Въ Симбирскѣ: въ книжномъ магазинѣ Юргенса. — Въ Кіевѣ: въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ Коципинскаго. — Въ Кшиневѣ: въ книжномъ магазинѣ Ліона. — Въ Таганрогѣ: въ книжномъ магазинѣ Данилова. — Въ Тулѣ: въ книжномъ магазинѣ Пантелѣева. — Въ Иркутскѣ: въ библіотекѣ Шестунова. — Въ Воронежѣ: въ библіотекѣ Никитина. — Въ Екатеринбургѣ: въ книжномъ магазинѣ Ульмана.